

ВАЗА С ЖЕЛТОФИОЛЯМИ

Ирина Лобусова

Ирина Лобусова

Ваза с желтофиолями

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606766

Аннотация

Известная художница приезжает в родной город, чтобы избавиться от личных проблем. Но встреча с незнакомой и странной соседской девочкой погружает ее в мир опасностей и загадок. Цепь мистических событий начинает заполнять ее жизнь, она видит знаки и получает послания из потустороннего мира. В конце концов, она понимает – все, что с ней происходит, происходит не случайно. Есть какая-то определенная цель. Ей предстоит раскрыть страшную тайну – преступление времен Холокоста и восстановить справедливость для души ребенка, заблудившегося на границе жизни и смерти.

Содержание

1	5
2	9
3	16
4	19
5	22
6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ирина Лобусова

Ваза с желтофиолями

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*** * ***

1

Я вернулась в Одессу через 10 лет долгих странствий почти по всему миру. И, честно говоря, это было абсолютно не осознанное решение. Одесса очень много мне снилась в Москве, меньше – в Санкт-Петербурге, и совсем не снилась в Нью-Йорке.

Потом почти каждый мой сон начинался с золотистой, тонкой полоски берега, по которой я безудержно шла вперед, растворяясь в дымке туманного, серебристо-сизого рассвета над морем. Над холодным рассветным морем, обжигающим раскаленной прохладой мои ступни.

Наверное, поэтому я решила поехать в Одессу – не просто город моих предков. Одесса всегда была для меня особенным кладом памяти, позволяющим заново возродиться к жизни. Поэтому, когда остро, буквально ребром, встал вопрос о необходимости моего отъезда из Москвы, я твердо решила, что поеду в Одессу. Этому решению способствовало несколько очень серьезных причин.

Я получила крупный заказ из одной солидной нью-йоркской галереи, и мне необходимо было поработать в одиночестве. В последних днях моей московской истерической спешки я не то, что поработать, даже 10 минут спокойно посидеть не могла. Незаконченное готическое полотно висело в моей мастерской, мозоля глаза. Но я находилась в таком

состоянии, что закончить его не могла.

В Одессе (я это знала) я снова начну писать, и в сроки выполню солидный заказ, и... И все в жизни вернется. Одумается и вернется. Одесса всегда вселяла в меня надежду.

Поэтому, когда самолет резко пошел на снижение и стал терять высоту, а сквозь облака показались ясные очертания дорог и полей, я думала не о своей работе, не о картинах, а о телефонной звонке. О том, что когда я сойду на землю в аэропорту, на моем мобильнике будет один пропущенный. А если повезет – сразу несколько пропущенных звонков.

Так с ощущением этого предвкушения звонящего телефона я вышла из автобуса, который вез меня от самолета к зданию аэропорта. Я почти не помнила этот аэропорт, не вспомнила ни разу – за последние десять лет.

Пропущенных звонков не было. Но я вдруг поняла, что не это является главным. Главным было совершенно другое... Моя свобода. Я тут же выбросила нелепую мысль о телефоне и уверенно пошла вперед, вдыхая полной грудью пьянящий воздух свободы. Город встретил меня ослепительным, сияющим солнцем, и я посчитала это очень хорошим предзнаменованием.

О своем «одесском приюте» я побеспокоилась заранее. Я выбрала квартиру еще по Интернету, а, когда остановилась на окончательном варианте, моя тетя (единственная живая родственница, оставшаяся в Одессе), поехала туда, чтобы все рассмотреть. Когда все оказалось в порядке, она офор-

мила на меня договор аренды и заплатила деньги, которые я ей прислала.

Тетя моя была юристом, имела серьезное деловое чутье, надуть ее было не просто, и я не сомневалась в том, что с квартирой все будет в полном порядке. С моей тетей разные «одесским штучки» точно уж не пройдут.

Квартира, снятая для меня, находилась в самом центре старого города, на улице Дворянской. В моей памяти, впрочем, эта улица сохранилась как улице Петра Великого. Так я и называла ее про себя. Но улицу переименовали, и мне теперь приходилось лишь смириться с современными реалиями. Поэтому своим московским друзьям я говорила, что сняла квартиру на улице Дворянской, и название улицы им очень нравилось.

Квартира была дворовой, она находилась в глубине настоящего одесского двора, на первом этаже ветхого двухэтажного дома. Окна, не выходящие на улицу, были моим серьезным требованием. Я не хотела слышать постоянный уличный шум современных машин. В памяти моей все время присутствовал живой одесский дворик с раскрытыми во двор окнами, где соседки переругивались между собой, развешивали белье, дружно чистили рыбу, накрывали столы на все праздники и решали личные и общественные проблемы во весь голос, всем двором. Я выросла в таком дворике. Эта атмосфера была окутана для меня аурой незабываемого романтизма. И я не хотела лишать себя удовольствия наслаждаться

ся уникальной одесской атмосферой все то время, что буду работать. Именно такую квартиру в дворике моей мечты я и обрисовала тете.

Но снятая квартира более, чем оправдала мои ожидания. Несмотря на ветхость всего дома, квартира имела все самые современные удобства – даже плазменную панель, хорошую кухонную технику, кондиционер. По словам хозяйки (она с гордостью рассказывала об этом тете), до меня в этой квартире жил один важный немец, приехавший по делам в местную Кирху (Кирха находилась в самом конце улицы Дворянской), и он был очень доволен.

Квартира состояла из двух отдельных комнат, небольшой уютной кухоньки и ванной. В одной из комнат я решила устроить студию. А вторая... Впрочем, через время вторая комната всегда автоматически превращалась в то же самое (то есть в стихийное продолжение студии). Я катастрофически не умела поддерживать порядок и налаживать свой быт.

Тетя встретила меня в аэропорту, вручила ключи и тут же повезла меня демонстрировать свое выполненное задание. И самым первым, что я увидела, оказавшись в самом сердце двора, был толстый рыжий кот, с пренебрежением глядящий на разложенные для него на газете рыбные объедки. Роскошный такой, матерый одесский кот. Я с упоением представила, как стану рисовать этого котяру, шерсть которого так сверкает на солнце, а на морде застыло выражение, которому позавидует любой голливудский актер. И невиданное, неожиданное, стихийное, как шторм, ощущение счастья, затопило меня, захватило целиком с головой, и я вдруг поняла, что в этом месте я смогу погрузиться в счастье полностью, найти здесь умиротворение и душевный покой.

Рядом с металлопластиковыми окнами моей квартиры (современный диссонанс одесского дворика) я увидела два запыленных, старых окна еще в старинных деревянных рамах. С рам облезла краска, и выглядела эта старина довольно живописно (но, конечно, неудобно для тех, кто живет там). В окне возле двери парадной была чуть приоткрыта форточка. Второе же было задернуто шторами и выглядело абсолютно безжизненным, что смотрелось довольно странно в самый разгар дня. Это заинтересовало меня против воли, и я спросила тетю, кто там живет.

Но тетя не знала. Она ответила лишь то, что ей сказали в агентстве – что соседи здесь спокойные, все в полном порядке, наркоманов нет. Когда мы оказались в самой квартире, я не смогла сдержать восторга: комната, выглядящая, как гостиная, была обставлена очень интересно, даже с неким дизайнерским подходом. Меня просто наповал сразил круглый стол посередине комнаты, украшенный изящной кружевной салфеткой и массивной вазой из граненого хрусталя. Ваза была пуста. Все это выглядело настолько красиво, что я пообещала себе поддерживать порядок хотя бы на этом столе, не захламить его через сутки своего здесь пребывания.

Договорившись с тетей, что вечером приеду на торжественный ужин по случаю моего приезда, я осталась в квартире одна. Забросив вещи в шкаф в соседней комнате, я первым делом проверила мобильник – на нем не было ни входящих, ни пропущенных звонков. Подавив разочарование (здесь это далось мне на удивление легко), я позвонила своей подруге, затем распаковала альбом для эскизов, и принялась рисовать кота. Я решила сделать несколько подходящих эскизов, а позже выбрать, что именно перенесу на холст.

Я делала так не всегда. Изредка, когда вдохновение буквально накрывало меня с головой, я писала прямо по холсту, едва успев покрыть его грунтом. Но так бывало очень редко. Это были самые золотые моменты, которые повторялись не часто. Все реже и реже – в последнее время.

Эскизы так же захватывали меня. Но, к сожалению, я все

не могла ухватить уникальное выражение на котячей морде, делающей его таким отличным от всех остальных котов. Я открыла окно, выглянула – но из моего окна котяру было не видно. Поэтому я вышла во двор.

Меня ожидало разочарование: котяра уже исчез. Осталась лишь груда рыбьих объедков вместе с газетой, которую убирала неопрятная старуха в рванном ситцевом халате. Старуха уставилась на меня со злобой и подозрением, и я поспешила ретироваться обратно через полутемный, оббитый деревом, заполненный каким-то застоявшимся затхлым запахом коридор.

Оказавшись в комнате, я принялась рисовать кота по памяти, и очень скоро почувствовала ледяной сквозняк. Окно было открыто, но, похоже, я забыла закрыть за собой дверь, поэтому меня продувало так сильно. Вначале эта прохлада показалась приятной. Но потом я вдруг почувствовала очень сильный холод, от которого руки мои даже покрылись гусиной кожей. Тогда я встала, чтобы закрыть входную дверь, и вдруг увидела ее.

Она стояла на пороге моей комнаты, прижимая к груди грязновато-желтого плюшевого медведя – маленькая девочка лет 7–8, в летнем платье в горошек. Я отчетливо запомнила почему-то ее платье – белые крупные горошины на ярко-красном фоне. Потом я обратила внимание на ее лицо.

У нее было удивительно красивое, удлиненное лицо с миндалевидными черными глазами, похожими на сочные

ягоды спелой шелковицы. Черные курчавые волосы девочки были заплетены в косички, одна из косичек расплелась, из нее выбились красивые, пружинистые пряди.

Но больше всего меня поразило выражение ее лица. Оно было не по-детски серьезным, под глазами пролегли глубокие синеватые тени, а глаза смотрели так пристально, что напомнили мне рентген. Особенно поражал этот не детский взгляд. Таких пронзительно-серьезных глаз мне не доводилось видеть у взрослых. И потому особенно поразительными были эти глаза на совсем детском лице.

Я замерла от удивления и, честно говоря, немного перепугалась. Уж слишком внезапным было ее появление. Потом я сообразила, что девочка вошла в оставленную мной открытой дверь. К тому же, это был просто любопытный ребенок, скорей всего, соседский. У меня немного отлегло от сердца, и я дружелюбно улыбнулась ей:

– Привет!

Но девочка не улыбнулась в ответ. Несколько секунд она серьезно смотрела на меня, затем пробежалась глазами по комнате, и наконец нахмурилась:

– В вазе должны были быть цветы!

– Но их не было, когда я приехала... – немного растерялась я.

– Желто-фиолетовые. С большими лепестками. Я не помню, как они называются.

– Желтофиоли? – подсказала я.

- Какая, собственно, разница, – девочка пожалала плечами, – ты будешь здесь жить?
- Да. Некоторое время.
- А зачем ты рисуешь кота?
- Я рисую не только котов. Я художница.
- Ух ты! – девочка несколько оживилась, – значит, ты рисуешь картины? Большие?
- Ну, наверное, не очень...
- Покажешь?
- Конечно. Когда захочешь.
- А я тоже ходила на рисование, во Дворец пионеров. Раньше, до того.... – девочка неожиданно нахмурилась и оборвала себя на полуслове. Я немного удивилась, что она сказала «во Дворец пионеров», но потом подумала, что, скорей всего, местные жители просто привыкли так говорить, и она переняла это старое выражение у мамы или у бабушки. Я поспешила сгладить неловкую паузу в разговоре.
- Ты живешь в этом доме?
- Ага. Совсем рядом. У нас большая семья: мама, папа, дедушка, бабушка, два брата и сестричка, но она совсем маленькая, ей три месяца.
- А тебе сколько лет?
- Восемь, – с гордостью сказала девочка.
- Ты совсем большая! – улыбнулась я, – в школу ходишь?
- Теперь нет.
- Удивившись, я хотела уточнить, но на лице ее вдруг снова

пролегла тень, и я решила не заострять внимание на этом, похоже, больном вопросе. Узнаю потом.

– Нарисуешь мне кота? – спросила девочка.

– Конечно! – я быстро вырвала из альбома лист, и стала набрасывать кота, – А как тебя зовут?

Девочка вдруг замолчала, и, повернувшись, уставилась на дверь. На лице ее появилось выражение тревоги. Это показалось мне странным – я не слышала ни звука, вокруг была полная тишина, и я не слышала, чтобы кто-то ее позвал.

– Так как тебя зовут? – я попыталась снова.

– Фаина. Знаешь, а ты немного похожа на мою маму.

– Правда?

– Мне нельзя с тобой больше говорить. Меня уже зовут.

– Но я ничего не слышу...

– Я не могу с тобой больше говорить! Пока.

– Но ты еще придешь? – я поднялась, чтобы ее проводить, и на мгновение отвернулась. Когда я повернулась обратно, девочки уже не было. Она убежала так же быстро, как и зашла. Рисунок с моим котом остался лежать на столе. Я пошла, чтобы запереть входную дверь.

Но дверь оказалась запертой. Похоже, девочка захлопнула дверь за собой, когда убежала из квартиры (замок это позволял), но почему я не услышала звук? Почему было так тихо? Наверное, я просто не обратила внимания – я ведь такая рассеянная.

Мучаясь догадками, я вернулась обратно в комнату. Тут

пронзительной трелью взорвался мой мобильник. Взглянув, кто звонит. Я поняла, что мои надежды пока оставались напрасными. Звонил всего лишь деловой знакомый, один питерский галерист. Разговор отвлек мои мысли от девочки Фаины и продлился так долго, что, отложив мобильник и взглянув на часы, я сразу стала собираться на ужин к тете.

Я вернулась далеко за полночь, и, если честно, чувствовала себя не очень. Вино у тети было слишком крепким, общество неприятным, квартира – душной, а мобильный телефон не звонил. Не было так же сообщений по электронной почте. Ничего не было.

В квартире стоял жуткий холод. Я ощутила его сразу, едва открыла дверь. Не сразу сориентировавшись, замешкалась с выключателем. И тут только ноги мои наткнулись на что-то мягкое.... К счастью, вовремя щелкнул выключатель. Я отскочила в сторону.

Рядом со столом в комнате лежал труп рыжего кота, которого я видела днем во дворе. Кто-то свернул ему шею. Зажав рот ладонью, чтобы не завопить и не перепугать весь дом, я тупо уставилась на страшное зрелище, даже не сообразив в первый момент, что происходит. Потом все-таки поняла: кто-то убил кота и подбросил ко мне в комнату. Я забыла закрыть окно. Взгляд переместился на сам стол: рисунка кота, который я нарисовала для соседской девочки, на столе не было.

Завернув кота в какую-то тряпку, я быстро вынесла его из квартиры. Тяжесть неприятно тяготила руки. Я двигалась как в полусне, чувствуя, что еще немного, и меня вырвет. Но все-таки благополучно донесла кота до мусорного контейне-

ра, который находился через дорогу.

Вернулась обратно, как зомби. И быстро легла спать. Но заснуть не могла. Меня не покидало ощущение, что кто-то стоит в дверях комнаты и на меня смотрит. Стоило прикрыть на минуту глаза, как жуткое ощущение чужого взгляда захватывало меня с головой. Я не знаю, откуда взялось это странное ощущение: я закрыла все окна, двери, в квартире никого, кроме меня, не было, и быть не могло. Но... Но меня не покидало жуткое ощущение уставившихся прямо на меня человеческих глаз. Так я проворочалась без сна до рассвета. А на рассвете дошла до того, что стала молиться, не помня точно слова молитвы, но произнося их как-то наугад. После этого я немного успокоилась и даже смогла заснуть. Но проснулась непривычно рано, вся разбитая, с жуткой головной болью.

Утро встретило меня потоками ослепительного солнечного света, расцветившего всю комнату, и уже серьезной жарой. Наглотавшись лекарств, я решила прогуляться до ближайшего магазина, и в дверях квартиры столкнулась с молодой женщиной, которая пыталась снести коляску со второго этажа.

Я помогла ей спустить коляску. Женщина благодарно улыбнулась и спросила, сняла ли я квартиру на первом этаже. Я ответила, что некоторое время буду здесь жить.

– Как хорошо! – женщина обрадовалась, – а то этот немец достал нас своими воплями!

– Какими воплями? – не поняла я.

– Он орал по ночам. Нервнобольной был, видимо, с головой у него не в порядке. Он во сне орал, почти каждую ночь, да так, что поднимал весь дом. Что мы только не делали, чтобы избавиться от этого кошмара – ничего не помогало! Нас только то и спасло, что он сам съехал. Сбежал прямо посреди ночи. Хозяйка даже вещи ему сама выслала. Но у вас с головой, похоже, порядок. Теперь сможем спать спокойно.

Я спросила, кто живет в квартире рядом с моей. Женщина ответила, что там живет старуха, бывшая дворничиха, но уже давно на пенсии. Она очень тихая, из квартиры выходит редко. После этого я спросила, где живет девочка лет 8.

– Лет 8? – женщина задумалась, – сразу и не припомню! Но у нас в доме очень много детей. Кроме того, здесь многие квартиры сдаются, жильцы постоянно меняются. Может, среди них.

– А в этой парадной?

– Нет, у нас такой нет.

Определенно, любопытный ребенок просто гулял по двору, и от нечего делать заглянул на огонек. Я отправилась в магазин. Потом зазвонил мобильник, и я занялась своими делами.

Работать я стала почти сразу. Но, как ни странно, кот был забыт. Одно воспоминание о нем навевало на меня ужас. И я принялась писать совершенно другое: круглый стол, бумажную салфетку на нем, тяжелую вазу из граненого хрусталя и цветы, о которых рассказывала девочка – красивые, пушистые желтофиоли, разноцветные лепестки которых диссонировали с темным покрытием стола.

Я работала с упоением, погрузившись в работу полностью, и через двое суток поняла, что, во-первых, именно эту работу я отправляю в Нью-Йорк, а, во-вторых, это будет лучшая из моих картин.

Двое суток не происходило ничего особенного, если не считать того, что в комнатах рухнул заведенный порядок, и произошло точно так, как я могла предполагать. Вихрь вдохновения разнес бытовые мелочи, и в квартиру теперь лучше было не заходить.

Девочка появилась только на третьи сутки, когда я раскрыла входную дверь, спасаясь от невыносимой жары. Как и в прошлый раз, она неожиданно возникла в дверях, в том же самом платье в бело-красный горошек, словно она всегда носила одно и то же.

– Я ждала тебя раньше, – я отложила кисть, воспользовавшись моментом, чтобы немного отдохнуть.

Ничего не отвечая, она обошла мольберт по кругу, внимательно глядя на сырой холст, потом немного расслабилась и кивнула:

– Почти так. Цветы были почти такими.

– Ты часто бывала в этой квартире раньше?

Она снова не ответила, бросила на меня какой-то странный взгляд, потом не к месту добавила:

– Мне все-таки удалось забрать твой рисунок с котом.

– Почему удалось? Я же сделала его для тебя.

– Цветы тоже очень красивые. Я рада, что ты слышала про цветы.

– Как твоя маленькая сестричка? – я решила сменить тему этого странного разговора, который мне уже трудно становилось поддерживать. Но это было неправильно: ничего не ответив на мой вопрос, она пошла к выходу.

– Фаина, подожди! Остановись! – внезапно мне страшно захотелось ее удержать, причем я сама не могла никак назвать это чувство, – я обидела тебя чем-то? Извини! Не уходи, пожалуйста! Мы можем еще поговорить?

Она остановилась, даже обернулась. Лицо ее стало еще больше печальным.

– Мне не разрешают долго с тобой говорить.

– Кто? Мама?

– Мама бы разрешила. Она добрая.

– Тогда кто? Кто-то, с кем ты живешь?

– Они сказали, что я не должна приходить к тебе, но я не

могу... Ты хорошая. Ты мне очень нравишься, правда.

– Ты тоже мне очень нравишься! А где твоя мама? Она живет с тобой?

– Я не хочу тебя обидеть... Но, наверное, нужно сказать...

– Чем ты можешь меня обидеть?

– Он не позвонит. Он сказал тебе, что ушел к той, другой женщине, потому, что она ждет ребенка. Но она налгала ему. Ребенок не от него.

– Что ты говоришь?... – кисть выпала из моих рук прямо на пол, и я пошатнулась, – Что?

– Он тебе не нужен. Когда он узнает правду, он захочет к тебе вернуться. Но ты его непустишь, потому, что ты выйдешь замуж. И тот, другой, заставит тебя обо всем забыть. Так что ты не должна переживать. Он тебе не нужен.

Я буквально онемела, не понимая, что происходит. Откуда восьмилетний ребенок мог узнать о моей драме, а, главное, так по-взрослому рассуждать о ней? И что это за предсказание?

Я так запуталась в мыслях, что на несколько секунд просто отключилась от действительности. Когда я пришла в себя, Фаины в комнате уже не было.

Вне всяких сомнений, странные вещи, происходящие здесь, не могли меня не занимать. В этой девочке было что-то особенное, притягивающее внимание, заставляющее считаться с ее словами. Она очень сильно отличалась от всех остальных детей.

Правда, у меня было не так много опыта – общения с другими детьми, больше, конечно, со взрослыми. Но вот именно в этом и заключалась ее особенность – она сразу же, с первого взгляда, показалась мне взрослой. Было в ней нечто, препятствующее обычному сюсюканью, каким глупые взрослые люди разговаривают с детьми. С ней всегда следовало говорить, как со взрослой. Я поняла это с первого взгляда, и всегда говорила теперь именно так.

А между тем, несмотря на всю свою серьезную взрослость, это был самый настоящий ребенок! Что стоил один только рисунок кота! Это был ребенок, умеющий относиться к окружающему миру по-детски – с жизнерадостной непосредственностью и добродушной доверчивостью, которые в ней нельзя было истребить.

Возможно, я думала бы о моей новой знакомой гораздо больше, если бы несколько дней спустя не произошли события, которые заняли мои мысли настолько, что в них уже не оставалось места маленькой соседской девочке!

Первый раз я увидела его совершенно случайно, на улице. Помню плавящийся от раскаленного летнего зноя асфальт. Я шла из магазина, тащила огромную и тяжелую сумку, плавала в обжигающем поту как в раскаленной подливке и мечтала только о той секунде, когда доберусь, наконец. До квартиры, и включу кондиционер.

Собственно, ничего странного или страшного во всем этом не было – будь я немного моложе и напоминай хоть отдаленно изящную фотомоделю. Мои последние месяцы в Москве были такими, что я давным-давно махнула на свою внешность, и хорошо, если изредка подходила к зеркалу, махнуть расческой по волосам.

В тот же день я выглядела особенно ужасно: старые рваные джинсы, которые я носила, наверное, лет сто, и бесформенная футболка в пятнах краски. Решив не утруждать себя переодеванием ради похода в продуктовый магазин, я вышла на улицу так, как стояла за мольбертом. Тяжелая сумка и пот, стекающий с меня в три ручья, тоже не придавали мне красоты! Не говоря уже о всклокоченных волосах, которые от жары торчали в разные стороны.

Так вот: именно за квартал от моего дома, когда я шла в таком вот виде, почти рядом со мной притормозил длинный кремовый лимузин «Хаммер», роскошь для туповатых любителей гламурной жизни.

Лимузин немного въехал на тротуар и притормозил, преграждая мне путь. Раскрылось окно, из которого выглянул

представительный мужчина лет 40-ка, и вежливо так спросил:

– Может быть, вас подвезти?

Я буквально потеряла дар речи. Лицо мужчины было абсолютно для меня незнакомым, но я все-таки решила держаться в рамках приличия.

– Простите, мы знакомы?

– Нет. Но я видел вас во сне.

Тут мне все стало ясно! Очередной авантюрист, любитель дешевых приключений, привыкший пускать пыль в глаза молоденьким провинциальным дурочкам! И тут я – в футболке, заляпанной красками, с ежом всклокоченных от пота волос. Мне вдруг стало смешно. И, не сдерживая себя, я расхохоталась во весь голос!

– Я сказал что-то смешное?

– Очень! Я только вот не поняла – плохо у вас с головой или с глазами.

– Вы о чем?

– Ну вот сами подумайте – может, и догадаетесь.

Так продолжая смеяться, я обогнула лимузин и пошла прочь. Глупый эпизод оставил почему-то неприятный осадок. Наверное, я должна была бы радоваться и гордиться, но во всем этом было что-то не так. И мысль о том, что все было не так, мучила меня настолько, что я уже не могла сосредоточиться.

Промыв кисти (что означало, что работа для меня на се-

годня закончена), я поплелась в ванную, чтобы принять душ, и по дороге меня застиг звонок мобильного.

Звонила моя тетя. Она попросила не занимать завтрашний вечер. Сказала, что ее пригласили на закрытую вечеринку в ночной клуб на берегу, на пляже дельфин. Приглашенный на 2 лица, и она хочет пойти со мной. Вечеринка была посвящена открытию какого-то модного мебельного салона, и на нее должны были собраться все сливки местного общества.

– Будет очень солидная публика, – говорила тетя, – может, среди них найдутся покупатели на твои картины. На всякий случай возьми несколько каталогов. В любом случае, побудешь возле ночного моря, посмотришь хороший ночной клуб. Будет что вспомнить потом.

Ночное море! Побродить босяком по прохладному, остывшему к ночи от жара песку! Слушать шелест ночных волн, глядя на мерцающие огни далеких, стоящих на рейде кораблей! Может быть, увидеть лунную дорожку. Что только может быть лучше!

И, конечно же, я согласилась. Будущее мероприятие немного успокоило меня, и лимузин с сидящим в нем чудиком вылетели у меня из головы.

На дне моей дорожной сумки хранилось приличное вечернее платье из прошлой, лучшей жизни. Я по какой-то инерции, не зная, зачем, захватила ее с собой. Я была в этом платье, когда... Впрочем, это уже было не важно. Я долго

думала, что больше не смогу его надеть.

Но рано или поздно приходится расставаться со своим прошлым. Когда сделать это было лучше, чем сейчас? И я без тени душевной дрожи извлекла красивое платье на поверхность. И к собственному удовольствию (вылечилась, что ли?) сумела его надеть.

До пляжа дельфин мы доехали на такси. И остановились сверху (там, где заканчивалась дорога), у лестницы. В дополнение к платью на мне были роскошные босоножки на шпильках. Я еще не понимала, что это глупость. Мне было простительно: я не была в Одессе очень долго, и абсолютно забыла о пляже Дельфин (даже когда я жила в Одессе, на этом пляже я и была-то всего раза два!). Но тётя... Очевидно, она в последние годы совершенно не выходила на белый свет из своего офиса. И знала об одесских пляжах еще меньше меня. Только этим можно было объяснить глупость, которую мы сделали!

Вся глупость заключалась в том, что мы остановили машину у лестницы, и не велели таксисту ехать вниз. Я на шпильках, тётя тоже. Мы стали спускаться по лестнице вниз.

Тут же, с первых ступенек, мы погрузились в сплошную неосвещенную темноту, и вдобавок чуть не покатались вниз, зацепившись за выщерблину на ступеньке, и этим уяснив, что лестница просто в ужасающем состоянии, абсолютно разбита. Это был какой-то кошмар!

Лестница оказалась бесконечной. Бесконечный, густой мрак без признаков освещения, да еще и разбитые ступеньки! Мы пробирались в сплошной темноте по разбитым ступенькам лестницы, между каких-то подозрительных кустов,

из которых время от времени доносились мат и пьяные вопли. Настоящий островок бандитской Одессы – и все это почти в центре города, на курортном побережье, где находятся самые дорогие ночные клубы, а на склонах высятся миллионные особняки местных чиновников и воротил!

Ситуация была настолько идиотской, что мы даже не успели по-настоящему испугаться (а ведь на двух идиоток, карабкающихся по ступенькам на шпильках и в вечерних платьях, мог наброситься кто угодно из этих злополучных кустов!). Когда же лестница закончилась, и мы вступили на нечто, напоминающее асфальт, то от избытка чувств едва не разрыдались!

Но радоваться было слишком рано. Мы оказались на какой-то длинной, плохо освещенной аллее, отдаленно похожей на набережную, где не было никаких указателей дороги к ночному клубу, куда мы должны были прийти. Налево? Направо?

С одинаковым успехом можно было идти и туда, и туда. Вдобавок поднялся сильный ветер, и стало страшно холодно. В открытом вечернем платье плечи буквально заledenели! И это в дни, когда было даже невозможно дышать от жары!

– Море, – обреченно вздохнула тётя, – ночью возле моря всегда холодно, можно замерзнуть. Уж я-то должна была это знать!

Короче, мы заблудились. Вдобавок я жутко натерла ногу. Изящные модельные шпильки не были предназначены для

хождения по разбитым ступенькам, камням и песку.

Мы свернули направо (философствуя при этом, что инстинктивно люди чаще всего поворачивают в сторону своей рабочей руки, левши – налево, а правши – направо), и уперлись в камышовую загородку какого-то ночного клуба с дурацким индейским названием. Клуб был ярко освещен. Из-за камыша доносились громовые раскаты музыки. Прямо на нас из калитки-входа вылетел какой-то мужчина и стал рвать – прямо на центр главной проходной дорожки. Я не могла не прокомментировать:

– Сливки общества? Изысканная публика? Отпад!

– Так это не наш клуб, – попыталась защититься тётя. Мужик рыгал так колоритно, что меня начало серьезно тошнить.

Из калитки появился охранник – молодой бык под 2 метра ростом в камуфляже.

– Ваш, девочки? – презрительный жест в сторону напившегося мужика.

– Упаси Боже! – с выражением сказала тётя.

– Верю! Охотно верю! – отозвался охранник, – а вы, слушаем, не к нам?

– Этого еще не хватало! – тётя была настроена по-боевому, – подскажите, лучше, как пройти в ночной клуб...

– Так это наши соседи, – сказал охранник, – идите вот по этой дорожке все прямо, прямо, и уткнетесь в этот клуб. Не бойтесь, больше не заблудитесь.

Мы аккуратно обогнули пьяного и пошли в указанном направлении. Но прошли не менее ста метров, прежде чем действительно уткнулись в цель нашего пути. У охранника были странные представления о соседстве.

За эту сотню метров по одесскому побережью мы встретили стаю бродячих собак, двух наркоманов, которые кололись прямо на песке, научились двигаться в сплошной темноте, так как чем дальше мы шли, тем меньше было электрических фонарей, они исчезали прямо на глазах, и, наконец, уперлись в железобетонную ограду с яркой вывеской нужного ночного клуба, который (я это чувствовала) буду ненавидеть всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.